

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-381-397>
EDN: ROFXBD

Research Article / Научная статья

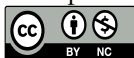
Свобода слова и самовыражения в цифровую эпоху: философский анализ и вызовы социальной безопасности

Т.Ю. Лифанова  , С.А. Лифанов , А.В. Веревкин 

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан
 lifanova.tatiyana@gmail.com

Аннотация. Современное информационное пространство формирует новые вызовы для свободы слова и самовыражения, связанные с цифровой цензурой, распространением дезинформации и алгоритмическим регулированием контента. В условиях растущей зависимости общества от цифровых технологий возникает необходимость переосмысления механизмов защиты свободы выражения мнений, особенно в контексте социальной безопасности. Целью настоящего исследования является анализ философских оснований свободы слова в цифровую эпоху через призму концепции Т. Скэнлона, а также оценка роли медиаобразования как инструмента, способствующего формированию критически мыслящего общества. В качестве материалов использованы современные исследования в области философии, медиаобразования и цифровых технологий, а методологической основой выступают философский анализ, междисциплинарный подход и изучение кейсов, связанных с регулированием свободы выражения в цифровой среде. Результаты исследования показывают, что традиционные правовые меры регулирования информационного пространства не всегда оказываются эффективными и могут противоречить принципу автономии личности. В отличие от них развитие медиаграмотности позволяет гражданам осознанно воспринимать информацию и выстраивать собственную коммуникативную стратегию, снижая зависимость от институциональных и технических механизмов контроля. В соответствии с базовыми особенностями философского подхода, авторы рассматривают свободу слова как не только юридическую категорию, но и фундаментальный принцип, обеспечивающий интеллектуальную самостоятельность личности. Специфика исследования заключается в интеграции философского дискурса о свободе выражения с актуальными вызовами цифровой среды, что позволяет предложить новые подходы к обеспечению социальной безопасности без ущерба для демократических ценностей. Исследование обосновывает необходимость баланса между защитой информационного пространства и сохранением автономии индивидов, подчеркивая, что эффективная стратегия регулирования должна включать не только правовые меры, но и образовательные инициативы, способствующие развитию критического мышления и осознанного взаимодействия с медиа.

© Лифанова Т.Ю., Лифанов С.А., Веревкин А.В., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: медиаобразование, критическое мышление, информационная безопасность, цензура, автономия личности, цифровизация

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках реализации научного проекта грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан АР19679699 «Религиозность/духовность, благополучие и идентичность казахстанской молодежи: сравнительное страновое исследование».

Вклад авторов. Все авторы внесли равный вклад в концепцию, подготовку и написание текста.

История статьи:

Статья поступила 16.12.2024

Статья принята к публикации 07.03.2025

Для цитирования: Лифанова Т.Ю., Лифанов С.А., Веревкин А.В. Свобода слова и самовыражения в цифровую эпоху: философский анализ и вызовы социальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 381–397. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-381-397>

Freedom of Speech and Expression in the Digital Age: Philosophical Analysis and Social Security Challenges

Tatiana Yu. Lifanova , Sergey A. Lifanov , Alexey V. Verevkin 

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

 lifanova.tatiana@gmail.com

Abstract. Today's information space poses new challenges to freedom of expression and freedom of speech associated with digital censorship, the spread of misinformation and algorithmic regulation of content. With society's growing dependence on digital technologies, there is a need to rethink mechanisms for protecting freedom of expression, especially in the context of social security. The aim of this study is to analyse the philosophical foundations of freedom of expression in the digital age through the prism of T. Scanlon's concept and to assess the role of media education as a tool to promote the formation of a critically thinking society. The materials are based on contemporary research in philosophy, media education and digital technologies. The methodological basis is philosophical analysis, interdisciplinary approach and case studies related to the regulation of freedom of expression in the digital environment. The results of the study show that traditional legal measures to regulate information space are not always effective and may contradict the principle of individual autonomy. In contrast, the development of media literacy allows citizens to consciously perceive information and build their own communication strategy, reducing dependence on institutional and technical control mechanisms. In accordance with the basic features of the philosophical approach, the authors consider freedom of speech as not only a legal category, but also a fundamental principle that ensures the intellectual autonomy of the individual. The specificity of the study lies in the integration of the philosophical discourse on freedom of expression with the current challenges of the digital environment, which allows us to propose new approaches to ensuring social security without compromising democratic values. The study substantiates the need for a balance between protecting the information space and preserving the autonomy of individuals,

emphasising that an effective regulatory strategy should include not only legal measures, but also educational initiatives that promote critical thinking and conscious interaction with media.

Keywords: media education, critical thinking, information security, censorship, personal autonomy, digitalisation

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding of Sources. The study was carried out within the framework of the implementation of the scientific project of grant funding of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan AP19679699 “Religiosity/spirituality, well-being and identity of Kazakhstani youth: a comparative country study”.

Contribution of authors. All the authors contributed equally to the conception, preparation and writing of the text.

Article history:

The article was submitted on 16.12.2024

The article was accepted on 07.03.2025

For citation: Lifanova TYu, Lifanov SA, Verevkin AV. Freedom of Speech and Expression in the Digital Age: Philosophical Analysis and Social Security Challenges. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):381–397. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-381-397>

Введение

Проблема свободы в истории философии обладает исключительной многогранностью и неисчерпаемостью, поскольку человек одновременно и свободен, и несвободен. Концепция свобода слова и самовыражения является одним из базовых оснований рассмотрения как политических ценностей демократического общества, так и, собственно, природы самого человека, выступая, например, в концепции А. Маслоу вершиной реализации человеческих потребностей в их иерархической форме. В этом контексте можно с уверенностью утверждать, что свобода самовыражения является одним из ключевых аспектов человеческой свободы. Однако в эпоху цифровых технологий и глобальных информационных вызовов ее границы становятся предметом активных дискуссий. Свободный доступ к компьютерным и интернет-технологиям зачастую создает лишь видимость свободы, особенно когда речь идет о свободе самовыражения, осуществляемой через медиатехнологии. В этом контексте особую значимость приобретают вопросы не только доступности информации, но и допустимости регулирования информационных потоков. Стоит отметить, что в международных документах и исследованиях проблемы, связанные с правовыми, политическими и этическими аспектами ограничения распространения данных поднимаются уже достаточно давно [1].

В исследовательской литературе термины «свобода слова», «свобода речи», «свобода выражения» и «свобода коммуникации» («freedom of speech», «free speech», «freedom of expression», «freedom of communication»)

в основном используются эквивалентно, хотя в целом возможно выделить их определенные различия [2]. Например, широко известно, что художественные выражения, такие как танцы и живопись, попадают в сферу этой свободы, даже если они непосредственно, не квалифицируются как «речь», которая интуитивно подразумевает некий вид языкового высказывания. Тем не менее, они явно могут быть определены как коммуникативная деятельность, передающая некое сообщение, каким бы неопределенным или открытым для интерпретации оно ни было.

Предметом обсуждения в данном случае становятся вопросы различения содержания речи от собственно коммуникативного действия (или поступка) и его особенностей, с целью исключения последнего из защиты. В качестве примера возможно отметить обоснование феномена свободы выражения в работе М. Крамера «Свобода выражения как самоограничение» [3], согласно которому каждая система управления морально обязана воздерживаться от наказания любой коммуникативной деятельности как таковой. Другими словами, любые ограничения, налагаемые системой управления на некоторую коммуникативную деятельность, являются морально законными только в том случае, если они были наложены не потому, что деятельность является коммуникативной, а потому, что она представляет собой тип неправомерного поведения, неправильность которого не зависит от коммуникации. Центральным для такого описания свободы выражения становится понятие независимости от коммуникации, которая, прежде всего, подразделяется на нейтральность темы (предмета) и нейтральность точки зрения.

В случае, когда идет речь о «*нейтральности предмета*», система управления и права, в рамках которой должным образом соблюдается именно это ограничение, не делает различий между темами, допустимыми для обсуждения в рамках разрешенных коммуникативных действий. Примером подобного ограничения может служить рекомендация воздерживаться от публичного обсуждения вопросов, выходящих за рамки одобренной «повестки дня». Такое ограничение, конечно же, противоречит принципу свободы слова, но, учитывая не степень ограничения, а его детальность, можно отметить, что «*нейтральность предмета*» воспринимается как менее значимый запрет и нарушение свободы.

В случае же несоблюдения принципа «*нейтральности точки зрения*» возможно ввести цензуру не столько на обсуждение отдельных тем, сколько на выражение определенной позиции (например, поддержка одной политической партии и т.д.). Любое такое исключение является менее обширным, но более значимым. М. Крамер отмечает, что избирательность такой дискриминации особенно прискорбна, поскольку она так вопиющим образом отклоняется от самоограничения, которое морально требуется от каждой системы управления в соответствии с принципом свободы выражения мнения. С одной стороны, такое самоограничение может быть грубо нарушено посредством любых всеобщих ограничений на коммуникации в контекстах, где никакие

существенные ограничения не являются морально допустимыми [3. Р. 478]. Данный вопрос представляется в определенной степени лишь частной проблемой обширной цифровой этики, с упором на основные этические проблемы цифровых технологий – от искусственного интеллекта и больших данных до Интернета вещей и социальных сетей [4]. В то же время мы считаем, что практическим эффективным механизмом реализации искомой «функции самоограничения», выступает концепция медийной и информационной грамотности, формирующая, в том числе посредством философской методологии, навыки критического восприятия и оценки социальной реальности.

Задача же нормативной концепции свободы слова – предложить отчет о ценностях, поставленных на карту, что, в свою очередь, может пролить свет на виды деятельности, в которых эти ценности реализуются, и на виды ограничений, которые проявляют враждебность к этим ценностям [5]. Например, если свобода слова оправдана ценностью уважения прерогативы граждан выслушивать множество точек зрения и составлять собственное мнение, то запрет на обсуждение как тем, так и точек зрения для ограничения взглядов, которыми будут обмениваться граждане, явно несовместим с этой целью. Если же, напротив, такая деятельность запрещена как часть общеприменимого постановления, ограничивающего «разведение костров в общественных местах» (или использование технологии *deepfake*), то это, скорее всего, не вызовет никаких проблем со свободой слова.

Стремление отличить речь от поведения с целью обосновать практические, этические следствия бесконтрольного распространения информации, актуализирует поиск и аргументацию нормативов, в соответствии с которыми должна распространяться и ограничиваться информация без ограничения коммуникации. Исследователи отмечают отсутствие четкого консенсуса относительно того, что именно должны содержать эти нормы, и довольно широкий диапазон мнений по этому поводу: от утверждения/отрицания законности удаления только определенного контента и/или ограничения доступа к нему до полной блокировки соответствующих информационных платформ, обеспечивающих коммуникативное взаимодействие [6]. В исследовательской литературе обсуждаются и глобальные нормативные меры, примером которых является общий регламент по защите персональных данных (GDPR), включающий этические соображения, реализуемые на этапе разработки программного обеспечения [7]. Центральный вопрос заключается в том, должно ли потенциальное содержание речи быть морально значимым при вынесении суждений о тактике превентивного противодействия коммуникации [6; 8].

В статье иллюстрируются, что одним из значимых философских подходов к свободе слова является концепция Томаса Скэнлона, который рассматривает ее не только как юридическую норму, но и как принцип, обеспечивающий автономию личности и формирование рационального общественного дискурса. Обращение к современным аспектам теории медиаобразования, значительно трансформировавшейся за последние десятилетия,

демонстрирует смещение акцентов в образовательных приоритетах: от традиционной ориентации на освоение навыков получения и создания медиаконтента – к формированию умений, обеспечивающих медиабезопасность личности и общества. Сегодня медиа- и информационная грамотность рассматриваются, прежде всего, как инструмент защиты от информационных угроз, а не только как средство выражения культурных, политических и иных прав.

Свобода самовыражения, безопасность и автономия личности

Основная задача целостного обоснования права на свободу слова и самовыражения заключается в систематизации различных подходов к его пониманию путем интеграции социально-философского анализа, теории коммуникации и философии права. В контексте работы Т. Скэнлона «Теория свободы самовыражения» [9] возможно отметить, что главная сложность ее философского обоснования состоит в преодолении иррациональности в ее трактовке, которая проявляется в рассогласовании сохранения привилегированного статуса «актов самовыражения» с правовой оценкой их возможных последствий. Примером такой иррациональности Т. Скэнлон считает позицию, согласно которой уверенность в своих правах и целях приводит к неприятию альтернативных точек зрения, поскольку их признание может свидетельствовать о сомнении в собственной правоте (если вы твердо уверены в своей правоте, вы не допустите, чтобы чужие слова этому мешали), недооценке силы слова или безразличии к результату.

Таким образом, от философского подхода требуется, во-первых, разграничение «слова» и «действия», во-вторых, обоснование свободы слова и самовыражения как категории «охраняемых актов» – актов, которые, обладая привилегированным статусом, должны быть освобождены от ограничений, и, в-третьих, рассмотрение свободы слова как частного случая более широкой категории свободы самовыражения.

В качестве базового определения в дальнейшем анализе свободы слова возможно опереться на дефиницию Т. Скэнлона, который отмечает, что «акты самовыражения» представляют собой обширную категорию, включающую не только словесные и печатные, а также художественные формы, но и любое действие – реальное или символическое, демонстрирующее то или иное содержание, обладающее смыслом (от жестов до бросания бомб, политических убийств и самосожжения). Однако, по его мнению, важно определить подкатегорию «защищенных актов», исключая из нее очевидно неподходящие случаи [9. Р. 206].

Исходным затруднением при анализе возможности ограничения свободы самовыражения является разграничение «*формы*» и «*содержания*». Если говорить о «форме», то ограничению могут подлежать только способы и сопутствующие условия (от уровня шума, допустимого в определенное время суток

до времени и места, где возможно публичное действие, собрание, митинг и т.д.). Такая чисто техническая позиция по отношению к возможности ограничения «речи», с одной стороны, недостаточна, с другой, даже не выглядит нарушением самой широкой трактовки свободы слова. Иначе дело обстоит с «содержанием», суждением, смыслом, которые отражает акт самовыражения. В этом случае необходимо определиться как минимум с тремя вопросами: (1) в частном случае наличия определенного вреда обществу возможно ли утверждать, что именно чья-то речь (например, призыв к ограблению банка), послужила причиной действия, а не была заменена собственным суждением; (2) в случае анализа существующих в обществе ограничений свободы слова выяснить, в какой степени доктрина основана на естественных моральных принципах и в какой степени она есть искусственный продукт, созданный, например, определенными политическими интересами, (3) не понимается ли «право на свободу выражения» как право на свободу общения. В качестве примера возможно отметить, что исследования мотивированного политического сознания показали, что зачастую поддержка свободы слова зависит от того, соглашаетесь ли вы с ее идеологическим содержанием [10]. Однако остается неясным, (А) открыто ли люди считают, что некоторая речь должна быть более свободной, чем другая речь; или (В) хотят чувствовать, что содержание речи не влияет на их суждения. Здесь мы находим поддержку (В) по сравнению с (А), используя ориентацию на социальное доминирование и политическую приверженность для прогнозирования поддержки свободы слова [10].

Иллюстрируя данное положение, возможно отметить, что когда мы представляем типичные нарушения нашего права на свободу слова, то чаще всего думаем о правительственной цензуре, запрете книг, преследовании журналистов и т.д. Популярный дискурс о свободе слова фокусируется на том, какие слова нам запрещено *произносить*, какие мысли нам не разрешено *выражать*. Таким образом, при анализе права на свободу слова существует тенденция фокусироваться либо на интересах говорящего, либо на интересах аудитории, сосредотачиваясь на различиях между ними. Целостный анализ понимания свободы слова должен переориентироваться на использование двустороннего подхода к самовыражению как совместному действию [11]. Определив некое действие как акт самовыражения – на основании его содержания и легитимной формы – необходимо, по мнению Т. Скэнлона, также проанализировать, к кому оно адресовано. Когда в рамках целостного анализа обозначены как субъект высказывания, так и объект коммуникативного воздействия, наиболее обоснованным путем к оценке допустимости ограничения такого действия становится обращение к оценке его последствий. И, хотя Т. Скэнлон, в целом, выступает против утилитарного подхода к свободе слова, именно такую прагматическую перспективу он частично допускает, поскольку в ряде случаев оценка высказывания как недопустимого может

основываться на последствиях, затрагивающих других людей – особенно когда эти последствия являются серьезными и предсказуемыми [9. Р. 225–226].

Т. Скэнлон, обобщая кейсы, содержащие примеры из повседневной жизни и юридической практики, в которых либо нарушалось право на свободу выражения мнения, либо, напротив, акты самовыражения приводили к негативным последствиям и причиняли вред, приходит к выводу, что выработка единого критерия оценки таких ситуаций затруднена, поскольку они слишком разнообразны по своему контексту, мотивации и последствиям. Универсальный принцип, охватывающий все возможные случаи, оказывается чрезмерно абстрактным, и, таким образом, неприменимым на практике. Таким образом, наиболее эффективным подходом становится поиск, описание и объяснение критериев, которые, учитывая различие между «словом» и «действием», описывали ли бы те отрицательные следствия, которые тем не менее не влекут за собой необходимость ограничивать речь (слово, сообщение, выражение точки зрения). Т. Скэнлон предлагает сформулировать данный критерий на основе идей Дж. С. Милля изложенных в трактате «О свободе». Так называемый «принцип Милля», помогает устранить иррациональные ограничения, объясняя, почему определенные последствия самовыражения не должны приниматься во внимание при юридическом регулировании; во-вторых, его можно применять к свободе самовыражения в целом без необходимости опираться на специальные права (например, политические) или определенные сферы деятельности (например, искусство или наука) [9. Р. 214–215].

Согласно данному принципу, существуют два типа вреда, которые не могут служить обоснованием для юридических ограничений самовыражения: 1) вред, представляющий собой формирование у людей искаженных или ложных представлений в результате актов самовыражения; 2) вредные последствия, возникающие в результате того, что выражение убеждений побуждает людей к определенным действиям. Такая концептуальная модель предлагает рациональный подход к определению границ свободы самовыражения, основанный на анализе допустимых и недопустимых последствий различных форм выражения мнений.

Таким образом, Т. Скэнлон рассматривает свободу самовыражения через призму принципа «необходимого обоснования» (principle of justifiability). В отличие от традиционных либеральных концепций, которые сводят защиту свободы слова к утилитарным или правовым аргументам, Скэнлон утверждает, что ограничения на выражение мнений должны оцениваться с точки зрения их влияния на автономию личности и формирование убеждений. Он не рассматривает свободу слова как нечто абсолютное, но подчеркивает, что ее защита критически важна, поскольку любые ограничения на выражение могут подорвать способность индивидов к рациональному осмыслению информации и самостоятельному принятию решений. Согласно Скэнлону государство не должно ограничивать высказывания на основании возможных

негативных последствий (например, введения кого-либо в заблуждение), если сами индивиды сохраняют возможность критического анализа информации. Таким образом, его теория свободы самовыражения фокусируется не на правах говорящего, а на *праве слушателя* формировать свое мнение без внешнего принуждения. Это делает его концепцию особенно актуальной в контексте медиаобразования и информационной безопасности, где центральной проблемой становится не просто защита свободы слова, а обеспечение условий для свободного и осознанного восприятия информации.

Медийная и информационная грамотность: о свободе самовыражения с точки зрения создателей и потребителей контента

Следуя устоявшейся исследовательской традиции, можно утверждать, что введение ограничений на свободу слова требует более весомого и аргументированного обоснования, чем ее защита, которая во многих концептуальных подходах рассматривается как самоочевидная ценность. Этически значимо признание того, что люди должны иметь неограниченное право на выражение своих взглядов в любой ненасильственной форме. Тем не менее оправдание свободы слова можно представить через ряд тезисов, как обосновывающих свободу слова, так и имманентно допускающих ее ограничение. При этом зачастую базовое моральное обоснование закона о свободе слова не обязательно должно иметь форму естественного морального права. Например, консеквенциалисты могут отдавать предпочтение законному праву на свободу слова, не думая, что оно следует какому-либо базовому естественному праву. Исходя из положений Т. Скэнлона, можно взять за основу деонтологический дискурс, в рамках которого становится понятным, почему свобода слова функционирует как своего рода побочное ограничение законных действий государства, требуя, чтобы государство всегда оправдывало свои решения таким образом, чтобы уважать автономию граждан [9]. Это положение получает развитие в рамках двух взаимодополнительных подходов – «теории слушателей» и «теории ораторов» [2].

Так называемая «теория слушателей» (listener theories) позволяет предположить, что государство запрещает доступ к источникам информации. В прошлом это были определенные книги, сейчас, например, новостные сайты или платформы социальных сетей, мотивируя это защитой граждан от «вредной» информации, потому что распространяемая там информация может дестабилизировать общество или привести к нежелательным политическим следствиям. Достаточно убедительной аргументацией здесь служит социальная безопасность, но в аспекте концепции автономии такие запреты могут рассматриваться как ущемление права на свободный выбор информации. Иными словами, с точки зрения теории слушателей, такая практика является проявлением неуважения к гражданам, поскольку предполагает, что они не способны самостоятельно оценить правдивость или полезность

информации. В теориях слушателей роль говорящего остается инструментальной, как источника информации, который в итоге составляет разнообразный публичный дискурс. Главные интересы аудитории лежат в результатах – истине, знаниях и ярком рынке идей. Важно качество информации, а не личность говорящих.

Согласно «теории ораторов» (*speaker theories*) акцент делается на том, что свобода слова оправдана, в первую очередь, нашими интересами как «говорящих». Возможность самовыражения как таковая, играет ключевую роль в реализации искомой личной автономии, в том числе посредством рефлексии. Свобода самовыражения может быть реализована в исследуемом контексте как в общении с аудиторией, так и в отсутствии непосредственных слушателей, например, через ведение дневника [12]. Случай, когда речь лишена аудитории, сохраняет свой значимый статус в контексте свободы слова, основываясь на ценностях самовыражения [13]. С точки зрения «говорящего» запрет на выражение мнения здесь, с одной стороны, недопустим, а с другой – не требуется. Однако не менее значимым является обмен мыслями с другими: обсуждения помогают формировать представления о справедливости, хорошей жизни и идентичности, а также способствуют обучению и убеждению.

Очевидным примером из цифровых технологий, где реализуется такая свобода самовыражения и обмена будут социальные медиа, блоги, форумы и т.д. Например, публикация личных эссе или постов в социальных сетях, по сути, является цифровым аналогом ведения дневника, а дискуссии на любой платформе (например, на Reddit – <https://www.reddit.com/> и т.д. и т.п.) теоретически направлены на свободный обмен взглядами и формирования новых идей. В ситуации, когда коммуникация выдвигается на передний план, авторы подчеркивают важность для теории свободы слова публичного дискурса в целом [13; 14]. С развитием цифровых технологий природа коммуникативных отношений сама по себе играет более важную роль в этом процессе, а интересы говорящего и его аудитории тесно переплетены.

С точки зрения слушателей важно помнить, что при сохранении всех исходных положений в контексте цифровизации экспоненциально возрастает аудитория практически любого контента, делая его более «влиятельным». Хотя новые медиа могут быть полезным инструментом, помогающим пользователям организовываться, создавать контент и распространять его, увеличение дозировки массовой коммуникации во время беспорядков может трансформировать энергию граждан в пассивное знание, и это может привести к тому, что люди станут пассивными протестующими [15]. Эта нарастающая тенденция с позиции концепции социальной безопасности ведет к необходимости упомянуть понятие «инфодемии» (*infodemic*) как ее неотъемлемой характеристики. В эпоху, когда доминирует цифровое распространение информации, и в информационной экосистеме, в которой цифровой разрыв продолжает оставаться глобальной проблемой, недавно появился новый

термин, который отражает глубокое влияние цифровой эпохи на наш информационный ландшафт: «инфодемия», полученный из слияния терминов «*информация*» и «*эпидемия*» [16; 17]. Современные исследователи определяют ее как поток информации, как объективной, так и ложной, которая «затопляет» общественность во время важных событий. Эти феномены имеют далеко идущие последствия, влияя на общественное здоровье, способствуя принятию коллективных решений и влияя на индивидуальное поведение [18]. В этих условиях не трудно привести множество аргументов за ограничения информационных потоков: вредоносный контент часто создается намеренно (1), распространяется «вирусно» (2) и имеет реальные последствия (3).

Многочисленные примеры показывают, что распространение вредоносного контента в социальных сетях приводит к нерациональному использованию ресурсов во время стихийных бедствий, способствует распространению дезинформации, сеет недоверие, манипулирует убеждениями людей и влияет на политические мнения и поддержку [19]. Например, экономические исследования показывают, что распространение фейковых новостей наносит мировой экономике реальный ущерб в десятки миллионов долларов ежегодно [20]. Такой контент может включать в себя, помимо прочего, фейковые новости, мошеннические сообщения, онлайн-троллинг и многое другое.

Таким образом, обнаружение дезинформации и разработка стратегий, которые могут помочь эффективно сдерживать распространение вредоносного контента, находятся в центре внимания исследователей и практиков. И самый простой выход – запретить что-нибудь (мессенджер, веб-ресурс и т.д.)¹. Но здесь есть свои сложности, так как пример с «мошенническими сообщениями» вновь актуализирует задачу разграничения «речи» и «действия», поскольку они в некотором смысле сохраняют за собой статус «речевых актов», и могут быть квалифицированы как неправомерное действие только по факту наступления неблагоприятных следствий. А, как это уже упоминалось выше, любые ограничения не должны быть наложены потому, что деятельность является коммуникативной. Как если бы мы ограничивали деятельность почты на основании того, что люди лгут в письмах. Т. Скэнлон отмечает, что

¹ В последние годы в различных странах наблюдается тенденция к ограничению или запрету мобильных приложений по соображениям национальной безопасности, защиты данных или общественного порядка. Несколько примеров таких запретов в разных странах: (1) Согласно аналитическому докладу проекта App Censorship в рамках GreatFire более 60 % приложений Apple либо недоступны либо запрещены в Китае. Среди них такие сервисы, как Google Maps, YouTube, Instagram, WhatsApp, Telegram, Facebook, Messenger и Twitter. Эти ограничения связаны с политикой цензуры и контроля информации в стране. Режим доступа: <https://appcensorship.org/files/Isolation-By-Design.pdf> (дата обращения: 15.12.2024); (2) Запрет правительством Индии 14 мобильных приложений на территории страны, 13 из которых являются мессенджерами, со ссылкой на Ani News. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2023/05/02/20345906.shtml> (дата обращения: 15.12.2024); (3) Запрет TikTok в Албании в марте 2025 года. Аналогичный запрет действует в более чем 20 странах. Режим доступа: <https://www.reuters.com/technology/albania-starts-turning-off-tiktok-amid-concern-over-youth-violence-2025-03-13> (дата обращения: 15.12.2024).

«несомненная иррациональность доктрины о свободе самовыражения происходит из ее явного противоречия с тем принципом, что прерогативой государства – в действительности, частью его долга перед своими гражданами – является решение того, когда угроза какого-либо ущерба достаточно серьезна, чтобы служить основанием для ... разработки соответствующих правовых норм для отражения данной угрозы» [9. Р. 217]. Возможный ущерб от ложных представлений не предполагает тот факт, что автономный индивид (взрослый, дееспособный; как разумный и здравомыслящий, так и потенциально склонный к заблуждению) может позволить государству тотально защищать его посредством ограничения самовыражения. Это, по сути, объясняет, почему противодействие интернет-цензуре принимает самые различные формы.

Тем не менее проблема остается – появление и распространение преднамеренно вредоносного контента существенно угрожает не просто целостности и качеству информации, но и косвенно подвергает опасности собственно свободу слова. Так что практики регулирования контента, например, разумная цензура или автоматизированные системы управления контентом в цифровых платформах (рекомендательные алгоритмы, «алгоритмическое подавление» и др.) остаются оправданными с точки зрения общественных целей. Эти технологии, вполне работоспособные, и что не менее важно обоснованные могут включать: (1) де-приоритизацию контента, что снижает его охват и вероятность взаимодействия с аудиторией; (2) теневое блокирование (*shadow banning*), при котором автор контента не получает уведомления об ограничении, но его публикации становятся менее заметными или недоступными для широкой аудитории; (3) автоматическую модерацию, использующую машинное обучение для фильтрации и удаления сообщений, считающихся нежелательными или противоречащими политике платформы. С методологической точки зрения здесь сохраняется в основном принцип «нейтральности предмета», а ограничение оправдано общественными интересами в духе консеквенциализма.

В определенном смысле реализация свободы самовыражения посредством технологий цифровой коммуникации может быть оценена как конкуренция технологий, обеспечивающих свободное распространение и сдерживание потоков информации. Одними из наиболее распространенных технологий становятся децентрализованные социальные сети (например, Mastodon, Nostr, Bluesky) и блокчейн-технологии, использующиеся для хранения информации и делающие цензуру менее эффективной. Например, децентрализованные новостные платформы позволяют журналистам публиковать материалы без опасения их блокировки [21]. Такие технологии не новы и активно развиваются. Среди других примеров можно упомянуть использование VPN и прокси-серверов, зеркальные сайты (*Mirrors*), криптографические технологии и многое другое. И здесь также вполне применим «принцип Милля» (в дефиниции Скэнлона), поскольку формирование ложных

представлений не может быть оценено как очевидный вред. По аналогии можно даже вспомнить, что это – риск, одобренный еще римским правом: *caveat actor*² и *caveat emptor*³.

В целом, представленный анализ убеждает нас в том, что технические меры ограничения доступа к информации являются менее эффективным инструментом регулирования информационной среды по сравнению с развитием критического мышления и медиаграмотности. Блокировки, будучи внешним и принудительным механизмом, не устраняют саму когнитивную потребность индивидов в разнообразии мнений и источников. В отличие от них критическое мышление и медиаграмотность формируют устойчивые навыки самостоятельного анализа и оценки достоверности информации, снижая восприимчивость к манипулятивным стратегиям. Таким образом, долгосрочное обеспечение информационной безопасности общества требует не столько технических запретов, сколько комплексных образовательных стратегий, способствующих развитию автономности субъекта в процессе обработки информации.

Два взаимодополняющих подхода («теория слушателей» и «теория ораторов»), могут быть применимы к анализу эволюции концепций медийной и информационной грамотности, последовательно акцентируя внимание на доступе к информации, ее критическом восприятии и праве на свободу выражение. Развитие медиаграмотности способствует осознанию влияния медиа на общество, а также формированию ключевых исследовательских и творческих навыков, необходимых большинству граждан современного цифрового мира [22. Р. 21]. Это означает, что человек должен уметь не только отличать достоверные источники от дезинформации, но и грамотно формулировать свою позицию и осознавать последствия своих высказываний. У истоков цифровой эпохи акцент сместился, и не менее важной задачей стало обучение людей тому, как выражать (в том числе в техническом, сугубо прикладном аспекте) свои мысли в медиапространстве.

Медийная и информационная грамотность включает в ее современной конфигурации значительное число компетенций и стандартов. «С ростом распространенности скрытого маркетинга, заблуждений (*mis- and disinformation*), поляризации в сети и за ее пределами, микротаргетинга (*microtargeting*) и кликбейта (*clickbait*) педагоги сталкиваются с новыми вопросами о том, как преподавать медиаэкосистему и что включать в свою учебную программу» [23. Р. 301]. Современное информационное общество требует трансверсальных компетенций, которые выходят за рамки академических областей, а не только знания одной конкретной дисциплины. Одной из таких компетенций, которая играет ключевую роль, является способность обрабатывать и использовать широкий спектр информации в качестве основы для разработки новых знаний [24]. Поскольку информация распространялась

² *Caveat actor* – действующий действует на свой риск.

³ *Caveat emptor* – покупатель действует на свой риск; качество на риске покупателя.

в новых средствах массовой информации и форматах, а обществу и образованию пришлось справляться с ее влиянием, информационная грамотность превратилась в *мультиграмотность* и *трансграмотность* [25]. Мультиграмотность и трансграмотность подразумевают собственный и гибкий подход к текущей трансмедийной среде, способность эффективно взаимодействовать с информацией в различных медиаформатах и средах.

Данные выводы, в целом, подтверждаются и эмпирическими замерами. Медиаграмотность (трансграмотность) расширяет возможности в трех основных аспектах: (1) сопротивление дезинформации, (2) способность работать с разными источниками информации, выявлять фейковые данные, критически анализировать сообщения СМИ, (3) борьба с монополистическим влиянием в социальных сетях [26].

Кроме того, в отличие от традиционной медиаграмотности, которая сосредоточена на понимании и анализе медиа, трансграмотность предполагает гибкость и способность перемещаться между разными форматами информации, комбинировать их и критически осмысливать контент вне зависимости от технических или платформенных ограничений. Такая универсальность может служить основой для последовательного и системного подхода к поиску ответов на новые информационные вызовы, обострившиеся с развитием больших данных и особенно актуализировавшиеся в связи с распространением генеративного искусственного интеллекта.

Заключение

Рассмотрение свободы слова и самовыражения в контексте цифровой среды позволяет выявить ключевые проблемы, связанные с регулированием информационного пространства, защитой автономии личности и обеспечением социальной безопасности. Исследование показало, что технологические методы контроля, включая алгоритмическое подавление контента и цензурные механизмы, не устраняют фундаментальную потребность общества в свободном доступе к информации. Напротив, такие меры могут создавать риски ограничения интеллектуальной свободы и формировать зависимость общественного сознания от предустановленных алгоритмов.

Таким образом, регулирование цифровой среды должно основываться не только на ограничительных механизмах, но и на стратегиях, направленных на повышение осведомленности граждан о принципах функционирования современных медиа. В условиях нарастающей информационной неопределенности наиболее действенным инструментом противодействия манипулятивным практикам становится медиаобразование. Оно позволяет не только развивать способность критически воспринимать информацию, но и способствует формированию активного гражданского участия в общественных дискуссиях.

Таким образом, медиа и информационная грамотность является не только одной из ключевых трансверсальных компетенций в университетском образовании, но и способом реализации свободы слова как с позиции слушателей, так и с точки зрения создания и распространения контента. Центральная роль критического мышления, хотя и очень значительная, должна сочетаться с другими типами грамотности, такими как медиаграмотность и информационная грамотность, что сформирует целостный и эффективный образовательный ландшафт. Таким образом, диверсификация типов грамотности становится тенденцией, показывающей, что сегодня требуется несколько типов грамотности, если человек хочет иметь подготовку и компетенции для решения задач академического, научного, новостного, социального и т. д. управления информацией в современном обществе. В этом контексте информационная грамотность продолжает играть фундаментальную, ведущую и объединяющую роль, поскольку она сливается с другими типами грамотности. Эта тенденция отражается в растущем использовании термина «мультиграмотность» и даже «трансграмотность».

Дальнейшие исследования, практические, методические разработки в данной области должны учитывать, что свобода выражения мнений и информационная безопасность должны находиться в динамическом балансе, обеспечивая как защиту общественных интересов, так и право каждого человека на свободный доступ к информации и самовыражение. Современный контент медиаобразования должен, на наш взгляд, включить рассмотрение проблем, связанных с использованием генеративного искусственного интеллекта (Generative AI), который в отличие от традиционных алгоритмов машинного обучения не просто воспроизводит, дублирует, а создает оригинальные данные, используя вероятностные модели и нейросетевые архитектуры, что при неконтролируемом развитии может стать угрозой для свободы выражения и приватности.

Список литературы / References

- [1] Wilson C, Grizzle A, Tuazon R, Akyempong K, Cheung CK. *Media and information literacy curriculum for teachers*. Paris: UNESCO; 2014.
- [2] Howard JW. Freedom of Speech. In: Zalta EN, Nodelman U, editors. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Stanford: Stanford University; 2024. Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2024/entries/freedom-speech> (accessed: 15.12.2024).
- [3] Kramer MH. Freedom of Expression as Self-Restraint. *Philosophy & Social Criticism*. 2022;48(4):473–483. DOI: 10.1177/01914537211072885 EDN: KCQEFV
- [4] Sue AT. How to think about freedom of thought (and opinion) in the age of AI. *Computer Law & Security Review*. 2024;(53):105969. DOI: 10.1016/j.clsr.2024.105969 EDN: NWEMRX
- [5] Tetlock PE. Thinking the unthinkable: sacred values and taboo cognitions. *Trends in Cognitive Sciences*. 2003;7(7):320–324. DOI: 10.1016/S1364-6613(03)00135-9

- [6] Liagusha A, Iarovyi D. Memes, freedom, and resilience to information disorders: Information warfare between democracies and autocracies. *Social Sciences & Humanities Open*. 2024;(11):101247. DOI: 10.1016/j.ssaho.2024.101247 EDN: YWYVTU
- [7] Lasisi M, Adejumo S. Digital Ethics In: Baker D, Ellis L, editors. *Encyclopedia of Libraries, Librarianship, and Information Science*. Vol. 4. Elsevier Inc.; 2025. P. 118–124. DOI: 10.1016/B978-0-323-95689-5.00267-4
- [8] Witschge T. Passive accomplice or active disruptor: The role of audiences in the mediatization of politics. *Journalism Practice*. 2014;8(3):342–356. DOI: 10.1080/17512786.2014.889455
- [9] Scanlon T. A theory of Freedom of Expression. *Philosophy and Public Affairs*. 1972;1(2):204–226.
- [10] Eftedal NH, Lotte T. Motivated moral judgments about freedom of speech are constrained by a need to maintain consistency. *Cognition*. 2021;(211):104623. DOI: 10.1016/j.cognition.2021.104623 EDN: JNFDSD
- [11] Chan J. Understanding Free Speech as a Two-Way Right. *Political Philosophy*. 2024;(1):156–180. DOI: 10.16995/pp.15321 EDN: HHZRJC
- [12] Redish MH. Value of Free Speech. *University of pennsylvania law review*. 1982;(130):591–645. Available from: https://scholarship.law.upenn.edu/penn_law_review/vol130/iss3/2 (accessed: 15.12.2024). DOI: 10.2307/3311836
- [13] Shiffrin SV. A thinker-based approach to freedom of speech. *Constitutional Commentary*. 2011;(2):283–307.
- [14] Kendrick L. Are speech rights for speakers? *Virginia Law Review*. 2017;(8):1767–1808.
- [15] Eşitti Ş. Narcotizing Effect of Social Media. *Journal of the Institute of Social Sciences Cankiri Karatekin University*. 2016;(1):1015–1030.
- [16] Kuehn EF. The information ecosystem concept in information literacy: A theoretical approach and definition. *Journal of the Association for Information Science & Technology*. 2023;(4):434–443. DOI: 10.1002/asi.24733 EDN: VVGWOX
- [17] Briand SC, Cinelli M, Nguyen T, Lewis R, Prybylski D, Valensise CM, et al. Infodemics: a new challenge for public health. *Cell*. 2021;(25):6010-6014. DOI: 10.1016/j.cell.2021.10.031 EDN: VOLMVY
- [18] Germani F, Spitale G, Machiri SV, Ho C, Ballalai I, Biller-Andorno N, et al. Ethical Considerations in Infodemic Management: Systematic Scoping Review. *JMIR Infodemiology*. 2024;(4):e56307. DOI: 10.2196/56307 EDN: BBHAPC
- [19] Chakraborty S, Goyal S, Rieder A, Onuchowska A, Berndt DJ. Freedom of speech or freedom of reach? Strategies for mitigating malicious content in social networks. *Decision Support Systems*. 2024;182(7415):114235. DOI: 10.1016/j.dss.2024.114235 EDN: DRXPWP
- [20] Cavazos R. The Economic Cost of Bad Actors on the Internet: Fake News in 2019. Available from: <https://www.cheq.ai/fakenews> (accessed: 15.12.2024).
- [21] Huang T. Decentralized social networks and the future of free speech online. *Computer Law & Security Review*. 2024;(55):106059. DOI: 10.1016/j.clsr.2024.106059 EDN: IUUZJO
- [22] Thoman E, Jolls T. *Literacy for the 21st century: An overview and orientation guide to media literacy education*. Santa Monica: Center for Media Literacy; 2008.
- [23] Boler M, Trigiani A, Gharib H. Media education: history, frameworks, debates and challenges, In: Tierney RJ, Rizvi F, Ercikan K, editors. *International Encyclopedia of Education* (fourth Edition). Elsevier Inc.; 2023. P. 301–312. DOI: 10.1016/B978-0-12-818630-5.08058-1

- [24] Lee S, Kim BG, Kim H. An integrated view of knowledge management for performance. *Journal of Knowledge Management*. 2012;16(2):183–203. DOI: 10.1108/13673271211218807
- [25] Pinto M, Garcia-Marco J, Caballero D, Manso R, Uribe A, Gomez C. Assessing information, media and data literacy in academic libraries: Approaches and challenges in the research literature on the topic. *The Journal of Academic Librarianship*. 2024;50(5):102920. DOI: 10.1016/j.acalib.2024.102920 EDN: BRGRFR
- [26] Mansoor HMH. Media and information literacy as a model of societal balance: A grounded meta-synthesis. *Heliyon*. 2024;10(3):e25380. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e25380 EDN: UJFIJO

Сведения об авторах:

Лифанова Татьяна Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, факультет философии и политологии, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан, 050000, Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. ORCID: 0000-0003-2269-1255. SPIN-код: 7325-0528. E-mail: lifanova.tatiana@gmail.com

Лифанов Сергей Алексеевич – докторант кафедры философии, факультет философии и политологии, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан, 050000, Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. ORCID: 0000-0002-2716-4254. SPIN-код: 1404-4430. E-mail: lifanov.sergey.a@gmail.com

Веревкин Алексей Валентинович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы, факультет философии и политологии, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан, 050000, Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. ORCID: 0000-0002-1817-8435. SPIN-код: 1724-7639. E-mail: phiosophy-sociology@mail.com

About the authors:

Lifanova Tatiana Yu. – CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Faculty of Philosophy and Political Science, Al-Farabi Kazakh National University, 71 al-Farabi Avenue, Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. ORCID: 0000-0003-2269-1255. SPIN-code: 7325-0528. E-mail: lifanova.tatiana@gmail.com

Lifanov Sergey A. – PhD Student of the Department of Philosophy, Faculty of Philosophy and Political Science, Al-Farabi Kazakh National University, 71 al-Farabi Avenue, Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. ORCID: 0000-0002-2716-4254. SPIN-code: 1404-4430. E-mail: lifanov.sergey.a@gmail.com

Verevkin Alexey V. – CSc in Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Work, Faculty of Philosophy and Political Science, Al-Farabi Kazakh National University, 71 al-Farabi Avenue, Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. ORCID: 0000-0002-1817-8435. SPIN-code: 1724-7639. E-mail: phiosophy-sociology@mail.com